

ЧЕЛОВЕК С СОМНИТЕЛЬНОЙ ВНЕШНОСТЬЮ

Альберт Филозов — сын «врага народа», прошедший путь от токаря на заводе шарикоподшипников до профессора РАТИ, народный артист России, незаменимый в ролях чудаковатых персонажей не от мира сего.

В фильме «Испытательный срок» (1960)

В фильме «Вид на жительство» (1972)

Геннадий Норд

Филозов часто играл разных «белых ворон», недотеп и чудиков, да и в обычной жизни был довольно экстравагантным. Например, долго не вступал в комсомол — считал себя недостойным.

Однажды, приехав на Одесскую киностудию заключать договор о съемках в главной роли, устроил такой скандал, что десять лет его вообще боялись звать в кино.

Одновременно и весельчак, и крайне закрытый человек. Личный транспорт не признавал — на работу ездил на метро.

Еще у Альберта Леонидовича было абсолютно неактерское качество — он начисто был лишен зависти и ревности к более успешным коллегам и умел искренне радоваться чужим успехам. Значительная часть почти всех его интервью — это восхищение мастерством партнеров и партнерш. Хотя и сам все умел и делал блистательно.

Интеллигент с изумительным чувством юмора, он и в 78 лет прекрас-

но пел, танцевал, на сцене и в кино перевоплощался так, что даже близкие друзья его порой не узнавали.

И рассказчик был превосходный. Вообще, несмотря на почтенные годы и регалии, в нем было много озорного, мальчишеского.

— У тебя очень красивая и редкая фамилия. Откуда?

— Для меня самого это загадка. Знаю, что папа приехал в СССР из Польши в 1927-ом. Он был активный комсомолец, мечтал строить социализм. А в 1937-ом «оказался польским шпионом». Его расстреляли через четыре месяца после моего рождения, и по понятным причинам мама с бабушкой эту тему обходили стороной.

Что касается маминой ветви, то вся ее родня — крестьяне из-под Мелитополя. Они переселились в Сибирь в годы Столыпинской реформы, жили зажиточно, потому что семья была большая, работающая. Когда пошла волна раскулачивания, вынуждены были уехать в Екатеринбург — Свердловск.

— Ты говорил, что по соседству с вашим домом стоял «дом Ипатьева», где расстреляли царскую семью.

— Я жил в квартале от этого таинственного места, в том доме размещался партархив, все окна были заколочены. Конечно, тогда у меня не было никакого отношения ни к императору, ни к его семье, но от того дома постоянно веяло ужасом.

Кстати, очень любопытная история связана с нашим жильем. Брат моей бабки, Назар Иваныч, в годы НЭПа выиграл в игорном заведении два одноэтажных дома в самом центре Екатеринбурга. Потом советская власть один у него отняла. А когда мой дед с семьей переехал в Свердловск, им дали квартиру именно в этой одноэтажке.

— Бывают же совпадения!

— Помнишь, старый фильм «Тени исчезают в полдень»? Кому-то он покажется мелодраматичным, но на самом деле, на Урале, и особенно в Свердловске, таких невероятных

С Викторией Федоровой в фильме «Вид на жительство» (1972)

В фильме «Великий укротитель» (1974)

С Андреем Мягковым в фильме «Страх высоты» (1975)

С Ириной Мирошниченко в фильме «Вам и не снилось» (1980)

совершенно историй — миллион. Просто — для кино!

Что еще интересно, в том игорном доме потом долгое время находился Свердловский ТЮЗ, а теперь — театральный институт.

— Ген азарта тебе не передался по наследству?

— Нет! Я не игрок в этом смысле.

— Прочувствовал на себе, как ково быть «сыном врага народа»?

— Практически, нет. Единственное — я долго не вступал в комсомол, считал себя недостойным. Вступил лишь в 1953 году, когда умер Сталин. А так детство у меня было, как у всех: гонял во дворе мяч, дрался. К счастью, я рано — еще до школы — научился читать, а книжек дома не было, поэтому все свободное время просиживал в библиотеке. Возможно, это меня спасло, потому что двор мог «засосать».

— Мог пойти по «кривой» дорожке?

— Конечно, мог! Да там все детство уркаганское было. Я хорошо помню, как длинными, июньскими ночами вся ребятня собиралась на завалинке у ворот,

и там байки, как правило, травили про то, как и кто «сидел» да про блатную романтику. И было ясно, что большинство ребят этого не минуют. Например, мой самый близкий друг детства Витька уже во втором классе был довольно профессиональным щипачом. Однажды он отрывался от милиции на «колбасе» — на подножке трамвая, попал под колеса и лишился ноги. Я потом приезжал, мы делились.

Я же говорю: сначала любовь к чтению спасла. А потом я стал петь — оказалось, у меня неплохой голос. Чтобы с голоду не помереть, мать отправляла меня в пионерлагерь на всё лето, и там, в самодеятельности, проявились мои вокальные данные. Причем, случилось это в довольно раннем возрасте, лет с девяти.

— Александр Градский рассказывал, что в детстве у него был голос, как у Робертино Лоретти, а репертуар от «Ленин всегда живой» до «Битлз». А ты что пел?

— У моего двоюродного брата была редчайшая коллекция пластинок тридцатых годов — тогда вообще ни у кого в Свердловске ничего подобного быть не могло. Например, знаменитые итальянцы — Карузо...

Я запоем их слушал и пел вместе с

ними. Безумно любил оперу, классические неаполитанские песни.

В хоровом коллективе Дворца пионеров, куда я ходил, была изумительный педагог с очень смешной еврейской фамилией Мебель. Мебель Марья Абрамовна. Она преподавала в консерватории, и нас научила всему. Там было всё серьезно! Музграмота, репетиции, записи на радио. Помню, мы пели под симфонический оркестр оперу «Девушка семиделушка» — о девушке, которая семь дел начинала и ни одно не доводила до конца. Я там пел арию Медведя.

Словом, я всерьез мечтал о профессиональной музыкальной карьере. И вероятно, стал бы певцом, если бы в тринадцать лет мой голос не «сломался». Хотя петь я и сейчас люблю — с удовольствием пою.

— Кто тогда был твоим кумиром?

— Мне очень нравился замечательный драматический тенор Георгий Нэлепп, к сожалению, ныне ползузабытый, несмотря на сумасшедшую прижизненную славу.

Попозже, когда я уже учился в школе-студии МХАТ, меня потряс другой знаменитый тенор — Николай Печковский. Уверен, ты такой фамилии вообще не слышал, а тогда... Если в Москве «гремели» Лемешев и Козловский, то в Ленинграде все ломилось на Печковского. В 1956 году он только освободился из лагерей, отсидев десять лет за то, что пел немцам во время оккупации, приехал в Свердловск с гастролями, и я попал на его концерт. Лучше я ничего в жизни не слышал!

Кстати, знаменитый актер Женя Урбанский, который учился двумя курсами старше, потом рассказывал мне, что, когда его отца репрессировали, вся их семья жила в заполярной Инте. И отбы-

вавший там же свой срок Печковский обучал его пению в местном клубе. И такие совпадения бывают.

— То есть, актером ты стал волею случая?

— Абсолютная правда! Время было тяжелое — 1953 год, жили мы очень трудно. Поэтому, получив паспорт, я пошел работать на шарикоподшипниковый завод. Выучился на токаря четвертого разряда, два года точил желоба у подшипников. И вполне возможно, что проработал бы еще долго.

Но тут в Свердловск приехал на гастролы МХАТ, объявили набор в его знаменитую Школу-студию. Друг чуть ли не силком затащил меня на экзамены — за компанию. И четверых — Юру Гребенщикова, Нину Скоморохову, Зою Галееву и меня — приняли. Для меня это было полной неожиданностью! К тому времени я занимался в драматическом кружке при ДК «Строителей» имени Горького, играл в каких-то пропагандистских пьесах, но считал, что путь на сцену мне заказан.

— Почему?

— Хотя бы потому, что у меня внешность, прямо скажем, неказистая. А все артисты в то время обладали просто роскошными данными — статные, высокие, красивые. И Стриженов, и Дружников, я уж не говорю о поколении постарше, где блистали Борис Николаевич Ливанов, Дикий, Абрикосов, Мордвинов. Красавцы! И артисты грандиозные.

— А как же Сергей Мартинсон, Алексей Грибов, Эраст Гарин? Красавцами не назовешь, зато актеры милостью божьей.

Окончание на с. 8

С Аленом Делоном в фильме «Тегеран-43» (1980)

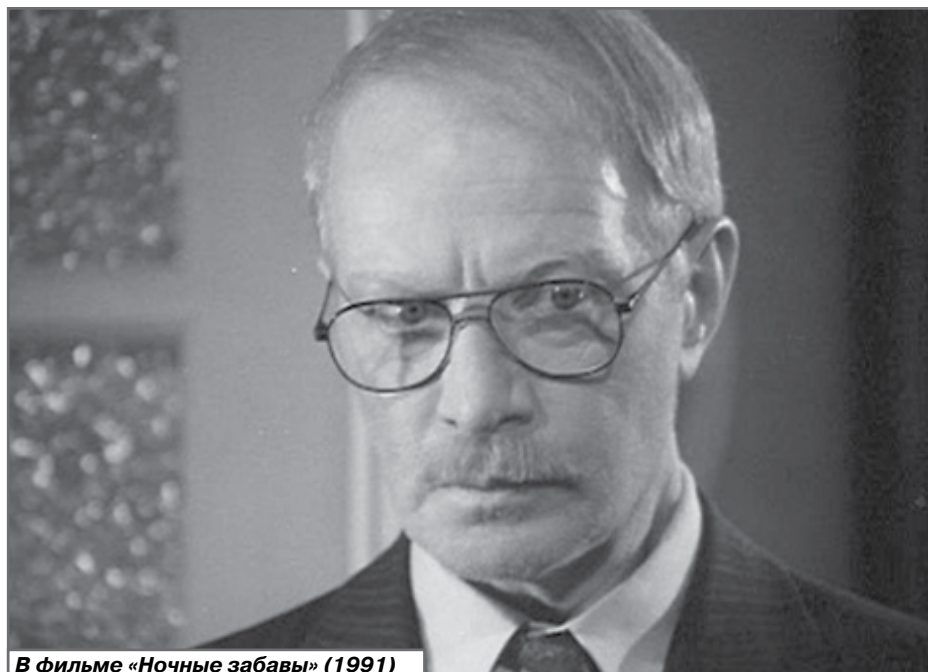
С Игорем Костолевским и Арменом Джигарханяном (1981)

С Натальей Андрейченко и Ларисой Удовиченко в фильме «Мэри Поппинс, до свидания!» (1983)

В фильме «Новые приключения янки при дворе короля Артура» (1988)

В фильме «Ночные забавы» (1991)

Окончание. Начало на с.7

— Ты не видел Гарина в молодости — есть фотографии. А в «Горе от ума»? Вот он был — герой! Это в наше время пришли другие герои — и лысые, и такие-сякие. И Калягин, и Евстигнеев, и Мягков, и Гафт. Из классических типов они выпадают, хотя уже сами давно стали классиками. А раньше таких героев не было совершенно.

— Когда стал студентом, было ощущение, что вот оно счастье и «теперь весь мир у моих ног»?

— Конечно, было ощущение радости. И в Москву я влюбился с первого взгляда, сразу понял: куда отсюда не уеду. Даже если будут выгонять.

У нас был очень сильный курс — там учились Слава Невинный, Женя и Саша Лазаревы, Толя Ромашин, Алла Покровская, Володя Кашпур, Гена Фролов, Таня Лаврова. Все как на подбор — талантливые и работоспособные.

— Не пошла кругом голова от студенческой вольницы?

— Разгульной жизни не было. Мы были заняты по 24 часа в сутки: с утра до ночи на лекциях, а потом еще в общежитии этюды разыгрывали. У нас не было времени ни на что! Выпивали? Да! От голода, от безденежья. Случалось, что и голодали.

Помню, в обычные дни можно было перехватить взаймы у двух совершенно замечательных женщин из учебной части, что мы регулярно и делали.

А в воскресные — мы с Юрой Гребенчиковым занимали 25 рублей у дворничихи. Покупали на эти деньги бутылку водки, буханку черного хлеба, самую дешевую банку консервов «Печень трески» и пачкупельменей. Наедались на всю неделю вперед, и так немножко расслаблялись.

А насчет веселых компаний, застолий, нет, не помню такого. Быт вообще был суровым, не располагающим к развлечениям. Студенты МХАТа жили на Трифоновке, за Рижским вокзалом в бывших казармах, в которых еще во время первой мировой держали пленных австрийцев. С решетками на окнах, с зияющими дырами в стенах. Зимой холод стоял жуткий! Помню, будущий знаменитый артист Владимир Заманский спал на кровати у окна, а прямо на него из огромной щели в стене падал снег.

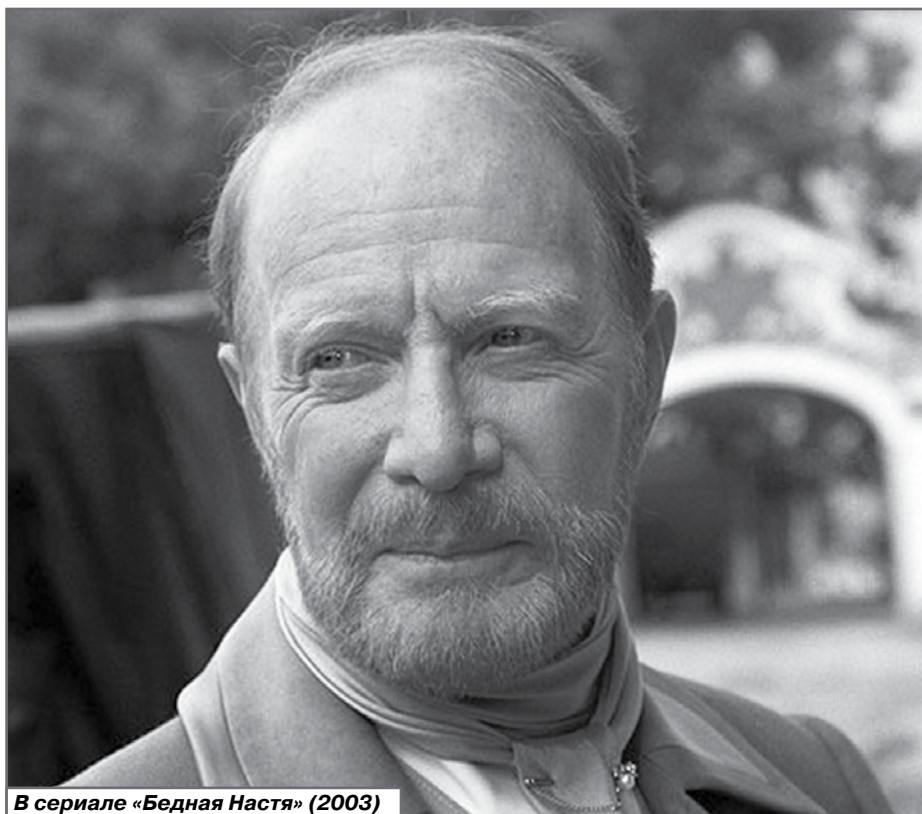
— Ты так «вкусно» рассказываешь об этих казармах и о «Печени трески», как будто ностальгируешь по самым классным временам в своей жизни.

— Я их считаю классными только потому, что мы были молодыми, учились в очень хорошем учебном заведении, где были благороднейшие, замечательные люди — наши педагоги.

Тогда во МХАТе были собраны просто «сливки» культурной интеллигенции. На-

С Любовью Полищук в спектакле «А чой-то ты во фраке» Театра «Школа современной пьесы» (1992)

В сериале «Бедная Настя» (2003)

пример, литературу начала XX века нам преподавал Андрей Донатович Синявский — ни больше, ни меньше. Историю русского театра — знаменитый Филиппов, который лично знал Шаляпина, Ермолову и даже на сцене им подыгрывал. А Александр Сергеевич Поль, читавший нам Малларме по-французски! Конечно, им было что рассказать. Так что это воспитывало, и это было замечательно.

А бытовые условия? Общага, холодная вода. Чтобы постирать рубашку, надо нагреть здоровенный чайник чугунный на газу. А поскольку рубашка была одна, надо было успеть ее высушить, погладить, потому что манеры нам преподавала княгиня Елизавета Григорьевна Волконская. А встретиться с ней в несвежей рубашке было просто невозможно.

— Третьекурсником ты был приглашен на главную роль в фильме Генриха Габая «Зеленый фургон», прилетел на съемки и... История закончилась скандалом. Что там случилось на самом деле?

— На самом деле я приехал в Одессу не на съемки, а подписать контракт и улететь обратно. Не знаю, как сейчас, а тогда в Школе-студии не приветствовалось, когда студенты снимались в кино. В свое время из-за этого выгнали великого Дружникова, и я очень боялся. Поэтому моим условием было то, что с моим ректоратом договорятся. Режиссер пообещал. И вот — мы сидим в аэропорту, передо мной положили заполненный документ, в котором не хватало только моей подписи. Спрашиваю:

— Как с институтом?

И по ответной реакции понимаю, что они меня бессовестно обманули — со МХАТом никто и не думал договариваться. А значит, меня неминуемо выгонят.

И в этот момент объявили посадку на мой самолет. Поскольку у меня был обратный билет в Москву, то от съемочной группы я просто сбежал. Причем, в прямом смысле слова.

Уже крутился пропеллер Ли-12, моторы ревели, я несся по летному полю, а за мной гналась киношная администрация, милиция! Добежал, а трап уже убран. Но я успел закинуть чемоданчик в салон, из последних сил потянулся, запрыгнул внутрь. И — улетел!

После этого дверь в кинематограф закрылась для меня на десять лет. На фотопробы пригласить еще могли, на съемки — нет. Такое, как я считаю, наказание судьбы — иначе не объяснишь. Эта история случилась в 1958 году, а впервые я снялся в 1968-ом, в Узбекистане. В 31 год!

— А сам-то хотел сниматься?

— Очень! Все хотели.

— Зато потом, судя по фотографии, простое ты не знал.

— Случайность! Я всерьез уже думал, что отношения с кино для меня закончились раз и навсегда, как меня позвали в

картину «Вид на жительство». Режиссеры этой ленты Александр Стефанович и Омар Гвасария снимали драму о советском ученом, который во время заграничной командировки решил в СССР не возвращаться. И им позарез нужен был человек с «сомнительной внешностью», про которого можно было уверенно сказать:

— Этот точно предаст Родину.

Хорошо помню нашу первую встречу. Только они меня увидели, воскликнули хором:

— Это он!

Пробы еще больше их убедили, что я тот, кто им нужен. Нужен настолько, что потом ко мне долго пробовали разных партнеров. Например, Людмилу Максикову, Марианну Вертинскую. А выбрали Вику Федорову — дочь знаменитой Зои Федоровой. Вот с этого фильма меня стали снимать регулярно.

— А какие картины ты занес бы в свой «золотой фонд»?

— Безусловно, «Вид на жительство» в него бы вошел. Не потому что я там хорошо сыграл — там был изумительный актерский состав. И хотя фильм был довольно пропагандистским, он получился неплохим. Помню, по аналогии с суперпопулярной картиной тех лет «Никто не хотел умирать» мы нашу ленту между собой называли «Никто не хотел удирать». Самое удивительное, что чуть ли не все члены съемочной группы впоследствии эмигрировали. Вика Федорова — в США, Инна Сергеева — в Германию, оператор Юрий Сокол — в Австралию. А я остался.

Еще мне дорога лента «Три года» по повести Чехова. «Рыжий, честный, влюбленный», как ни странно. Там все очень хорошо играют, хулиганят, все свободны, веселые и молодые. И вообще с режиссером Леонидом Нечаевым мне прекрасно работалось.

Очень люблю фильмы Виктора Гресь «Черная курица, или подземные жители», «Новые приключения янки при дворе короля Артура».

— Не потому ли, что на съемках «Новых приключений...» ты познакомился со своей нынешней супругой?

— И поэтому тоже.

— А как же знаменитые «Мэри Поппинс, до свиданья!», «Не покидай», «Ночные забавы», «Тегеран-43», считающиеся твоей «визитной карточкой»?

— Я драматический артист и мне дороги роли, где есть что сыграть и когда удастся вложить что-то свое. Например, я с огромным удовольствием снялся в сериале Владимира Фокина «Пятый ангел», где моими партнерами были замечательные Лия Ахеджакова и Сергей Юрский. Вот там было что сыграть — мой герой на экране прожил целую жизнь с 35 до 90 лет. Роль неоднозначная, не одной краской написана.

— Так в «Тегеране-43» у тебя тоже роль эпическая.

— Да. Только там мне приходилось играть совершенно незнакомые вещи. Ну, какой из меня убийца-террорист? Я настолько остро чувствовал свое минимальное там участие — не в смысле экранного времени, а по отдаче. Я говорю режиссерам:

— Давайте что-нибудь злодейское делаем. Дайте мне хоть пострелять в кадре.

А Алов и Наумов отвечают:

— Если ты начнешь палить, все сразу увидят, что ты не умеешь этого делать!

И оказались правы: на фоне нынешних боевиков даже герой Костолевского небедительно стреляет.

— Зато фильм получился шикарным!

— Ну, они мастера. И конечно, мне сниматься в такой компании, у таких режиссеров было безумно интересно. Белохвостикова, Джигарханян, Ален Делон! Это было одно из самых увлекательных киноприключений в моей жизни.

— С Делоном удалось подружиться?

— К сожалению, нет, хотя во время перерыва мне очень хотелось с ним поговорить. Мы стояли рядом: он — красивый и независимый, я — некрасивый, но тоже независимый. Улыбались друг другу. И всё! Все дело, конечно, в языковом барьере, потому что Делон был абсолютно демократичен и доступен. И никакой охраны у него не было, хотя популярность просто сумасшедшая. Я в этом убедился, когда мы снимали на Елисейских полях. Пока готовились, режиссер во избежание излишнего ажиотажа просил Делона из микроавтобуса не выходить. Но он все-таки не удержался. Столпотворение было такое, что транспорт остановился. Снимать мы начали нескоро.

— В свое время тебя звали во многие знаменитые театры, но ты отказался. Есть причина?

— Я не мог бы работать, скажем, в «Современнике», где очень жесткие правила. Я ушел из Театра Станиславского, когда пришлось подменять активно снимающегося Евгения Леонова. Не пошел на Таганку, где Любимов предложил вестись на Свидригайлова — то, что играл Володя Высоцкий.

Вводы — вообще неприятная штука. Представляешь, какво выходить к зрителю, пришедшему «на Леонова»?

А в «Школе современной пьесы» мне уютно, комфортно, я знаю, что в меня верят. Потому что сам в себя, честно говоря, я не очень-то верю.

— Ты говорил, что не будешь сниматься в фильмах про мафию, играть «крестных отцов», олигархов. Почему?

— В конце девяностых мне предложили сценарий, в котором явно имелся в виду Березовский. Я сказал:

— Я никогда миллионов в руках не держал, не знаю, что это такое. Поэтому не смогу это сыграть.

И до сих пор я ничего подобного не играл.

— А актер должен сниматься в плохом кино?

— Что прикажешь делать? Жить-то надо. Я совершенно согласен с Джигарханяном, которого когда-то сильно ругали за то, что он снимается слишком много. На что он совершенно справедливо возразил:

— Я — актер и это моя профессия.

И я на многое соглашаюсь, потому что нужно этот инструмент упражнять, не говоря о том, что перед зрителем надо появляться, иначе тебя забудут.

Но я стараюсь избегать пошлятины. И сумма гонорара в таких случаях решающего значения не имеет.

— А тебя на улице узнают? Каким было самое необычное проявление народной любви?

— Иногда в метро место уступают. Пожалуй, самое необычное, это когда у меня попросили автограф в винном магазине. И на бутылке с портвешком я его дал.

— Ты так шикарно танцуешь танго в одном из спектаклей, что можно только позавидовать. Как удается быть столь легким, изящным и пластичным?

— Честное слово, не знаю даже. Всю жизнь — никакой йоги, никаких занятий спортом. Правда, в последнее время я стал делать зарядку, чтобы быть в тонусе. А то чувствую, что «отяжелеваю».

— По жизни ты свою фамилию оправдываешь? Ты философ?

— По мне, философ — это очень умный, семи пядей во лбу... Нет.

— Большинство твоих героев — редкие скромники, интеллигенты. Ты и в жизни такой?

— Ну почему же — в кино у меня были разные роли. И неприятных героев было много, бывало, и отъявленных негодяев играл. Не могу сказать, что со мной всегда легко, но «башмаком по столу» стучать, конечно, не стану. Я вообще не люблю вступать в конфликты — мне легче просто уйти. Хотя, конечно же, в жизни я более жесткий, чем в некоторых ролях.

— Словом, «не белый и не пушистый»?

— Я — абсолютно домашний. Всякому

веселью предпочитаю одиночество. Не люблю, когда мне лезут в душу, даже когда выпиваем в компании, не люблю плакаться в жилетку. Мне кажется, человек должен жить независимо.

— Ты неохотно говоришь о своей личной жизни, хотя твой случай уникальный — не каждый решится стать отцом в столь взрослом возрасте.

— Дело в том, что я принципиально считаю: не надо говорить и писать об этом. Скажу лишь, что мой старший сын Андрей от второго брака уже вполне взрослый, мы с ним друзья. Он закончил историко-архивный институт, работает журналистом.

А с нынешней супругой Наташей мы познакомились в 1986 году в Киеве, как ты правильно заметил, на съемках фильма «Новые приключения янки при дворе короля Артура».

— Значит, это был «служебный роман»?

— Ну да, типичный — Наташа была замдиректора на этой картине. Более того, она тогда была помолвлена — собиралась выходить замуж за успешного итальянского юриста. Не скажу, что я как-то необычно за ней ухаживал — я человек не романтичный, но мы поженились.

К слову, в день бракосочетания у нас не было ни белого платья, ни фаты, да и свадьбы как таковой не было. Не было даже собственного жилья.

Я играл в «Школе современной пьесы», и наш режиссер позволил нам пожить в театре — маленькая гримерка заменила и спальню, и кухню, и гостиную. Небольшую квартиру мы получили только после того, как у нас родилась старшая дочь Настя.

— У тебя две девочки, и обе занимаются музыкой. Не иначе как в тебя?

— Не берусь утверждать. Хотя дочки у меня, особенно младшая Анна... Она может всё — и рисует замечательно, и на скрипке здорово играет. По-моему, очень талантлива. Я знаю одно: если мои дочери решат выбрать актерскую стезю, я отговаривать их не буду. А даст Бог — выйдут замуж и будут счастливы.

— Однажды, отвечая на вопрос о планах, ты отшутился: «Мечтаю дожить до того дня, когда дочери выйдут замуж!» Более серьезные мечты есть?

— Во-первых, в каждой шутке есть доля правды. А мечты у меня так или иначе связаны с профессией. Какие еще могут быть в моем возрасте грезы? И более молодых моих партнеров время «косит». Дай Бог, чтобы все были живы мои близкие. О чем еще можно мечтать?

С женой Натальей

С дочерьми

Могила Филозова на Ваганьковском кладбище